

*Наука
удовольствия*

[>>> Купить книгу на сайте kniga.biz.ua](http://kniga.biz.ua)

PAUL BLOOM

*How Pleasure
Works*

THE NEW SCIENCE OF WHY
WE LIKE WHAT WE LIKE

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Пол Блум
*Наука
удовольствия*

ПОЧЕМУ МЫ ЛЮБИМ
ТО, ЧТО ЛЮБИМ

Перевод с английского
Антон Ширикова

издательство **аст**

Москва

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

УДК 159.93
ББК 88.3
Б70

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Блум, Пол

Б70 Наука удовольствия: почему мы любим то, что любим / Пол Блум; пер. с англ.
А. ШИРИКОВА. — Москва: АСТ: CORPUS, 2014. — 320 с.

ISBN 978-5-17-082077-1

Что есть человек? “Существо бескрылое, двуногое, с плоскими ногтями, восприимчивое к знанию, основанному на рассуждениях”, — утверждал Платон. И — прибавляет профессор психологии Йельского университета Пол Блум — падкое до удовольствий. Ученый объясняет привлекательность, иногда парадоксальную, вещей и явлений — от пищи до безделья, от религии до шопинга, от искусства до порнографии, — и размышляет, стоит ли спорить о вкусах.

УДК 159.93
ББК 88.3

ISBN 978-5-17-082077-1

- © Paul Bloom, 2010
 - © А. Шириков, перевод на русский язык, 2013
 - © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
 - © ООО “Издательство АСТ”, 2013
- Издательство CORPUS ®

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Содержание

<i>Предисловие</i>	9
Глава 1. Сущность удовольствия	17
Глава 2. Гурманы	43
Глава 3. Постельная подмена	75
Глава 4. Незаменимое	113
Глава 5. Зрелища	139
Глава 6. Воображение	181
Глава 7. Боль и безопасность	205
Глава 8. Зачем нам удовольствие	233
<i>Примечания</i>	254
<i>Литература</i>	269
<i>Предметно-именной указатель</i>	294

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

*Посвящается Берни Блуму,
моему отцу*

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

Предисловие

Во всяком удовольствии есть что-то животное. Когда я возвращаюсь с пробежки со своей собакой, я плюхаюсь на диван, она — на коврик. Я выпиваю стакан холодной воды, она лакает из миски, и мы оба становимся гораздо счастливее.

Эта книга — о более загадочных удовольствиях. Некоторым девочкам-подросткам нравится резать себя бритвой. Некоторые мужчины расстаются с изрядными деньгами, чтобы их отшлепала проститутка. Средний американец проводит более четырех часов в день перед телевизором. Многих мужчин чрезвычайно возбуждает мысль о сексе с девственницами. Абстрактное искусство может продаваться за миллионы долларов. Маленькие дети любят играть с воображаемыми друзьями, и их можно успокоить, показав знакомую игрушку. Водители притормаживают, чтобы хорошенько рассмотреть место ужасной аварии. Зрители покупают билеты на фильмы, вызывающие у них слезы.

Некоторые из удовольствий, о которых пойдет речь в книге, свойственны лишь людям: изобразительное искусство, музыка, художественная литература, мазохизм, религия. Другие, например еда и секс, привлекают не только

людей, но вы увидите, что удовольствие, которое люди извлекают из этих занятий, существенно отличается от того удовольствия, что получают от них другие существа.

Основной мой аргумент: удовольствие — вещь непростая. То, каким мир предстает перед нашими органами чувств — это не главное. Скорее, удовольствие, которое мы получаем от чего-либо, — это производная от того, что мы думаем об этой вещи. Это верно и для интеллектуальных удовольствий, таких как наслаждение от созерцания картин и чтения, и для удовольствий, которые кажутся проще, — от удовлетворения голода и сексуального желания. В картине важно, кто ее написал; в рассказе — правда это или вымысел; если речь идет о бифштексе, то для нас важно, из мяса какого животного он приготовлен; в сексе на нас серьезно влияют наши представления о том, каков на самом деле наш партнер.

Эта теория удовольствия являет собой развитие одной из самых интересных идей в когнитивистике: люди естественным образом исходят из того, что все вещи в мире — и другие люди тоже — имеют незримую сущность, делающую их такими, какие они есть. Психологи-экспериментаторы доказывают, что такая эссенциалистская перспектива определяет наше понимание физического и социального мира, а исследователи возрастной и кросс-культурной психологии предполагают, что это инстинктивная и универсальная установка. Мы по природе эссенциалисты.

В главе 1 я описываю теорию эссенциализма в целом и утверждаю, что она помогает объяснить загадку наших обычных удовольствий. Следующие шесть глав посвящены отдельным видам этих удовольствий. В главах 2 и 3 речь идет о еде и сексе. Глава 4 касается нашей привязанности к некоторым предметам обихода, в том числе к сувенирам,

связанным со знаменитостями, и вещам, присутствие которых нас успокаивает (*security blankets*). Глава 5 — об искусстве и зрелищах. Главы 6 и 7 — об удовольствии, которое приносит воображение. Любую из этих глав можно прочитать отдельно, не заглядывая в другие. В последней главе говорится об общих следствиях этой теории, и заканчивается она соображениями о том, почему нас увлекают наука и религия.

Замысел этой книги в том, чтобы понять природу удовольствия, рассмотрев и то, как оно развивается в ходе жизни отдельного человека, и его эволюционные истоки. Изучение происхождения чего-либо — это всегда возможность узнать что-то новое. Если вспомнить знаменитую фразу Д'Арси Томпсона, то “все таково, какое есть, потому что оно таким стало”. Но все же само упоминание эволюции в контексте психологии многих и тревожит, и уводит по ложному следу, так что некоторые пояснения были бы полезны.

Прежде всего, “эволюционный” не значит “адаптационный”. Многие существенные элементы человеческой психологии — следствие адаптации: они существуют благодаря преимуществам, которые они давали нашим предкам в плане воспроизводства, и я обсуждаю некоторые из этих элементов. Другие аспекты нашего мышления — побочные продукты. Это, если использовать термин, предложенный эволюционными биологами Стивеном Дж. Гулдом и Ричардом Левантином, “пазухи сводов” (*spandrels*)*. Так может обстоять дело и с удовольствиями. Например, многие с наслаждением смотрят порнографию, однако

* В архитектуре термин обозначает пространство между двумя арками или между аркой и многоугольным покрытием. Гулд и Левентин называли так характеристики организма, ставшие побочным эффектом других характеристик и не подверженные эволюционному отбору. — *Здесь и далее — примечания переводчика.*

не приобретают никаких репродуктивных преимуществ, связанных с тем, что днями и ночами разглядывают фото и видео с привлекательными голыми людьми. Притягательность порнографии — это случайность, побочный продукт интереса к настоящим голым людям. Точно так же вопрос о глубине удовольствия, мне кажется, в большой степени вопрос о случайности. Эссенциализм развился у нас как способ придать миру смысл, но теперь, когда у нас есть эта черта, она подталкивает наши желания в тех направлениях, которые не имеют никакого отношения к выживанию и воспроизводству.

Кроме того, сформировавшийся эволюционным путем не значит “глупый” или “простой”. Я недавно выступил с докладом об удовольствиях, связанных с литературой, на филологическом факультете, и один из слушателей после заявил мне, что был удивлен моим подходом. По его словам, это было не так ужасно, как он ожидал. Он думал, что я представлю упрощенную, редукционистскую биологическую версию, так что его порадовал мой рассказ о сильном интересе, который люди питают к психическим состояниям авторов, а также о сложном и богатом наборе интуиций, обуславливающих наш интерес к художественной литературе.

Обрадовать профессора английского языка было приятно, но вместе с тем неловко: я-то считал, что действительно представляю упрощенную, редукционистскую биологическую версию. Его замечание заставило меня понять, что я обосновываю два аргумента, которые обычно не сочетаются: во-первых, что повседневные удовольствия — вещь глубокая и трансцендентная, и во-вторых, что повседневные удовольствия отражают эволюционировавшую человеческую природу. Может показаться, что одно противоречит другому. Если удовольствие — глубокое, можете

рассудить вы, оно должно иметь культурное происхождение, должно развиваться за время жизни. Если же удовольствие эволюционировало, оно должно быть простым. Мы, должно быть, запрограммированы реагировать определенным образом на определенные стимулы. Речь идет о реакции, непосредственно связанной с восприятием, реакции поверхностной — то есть глупой.

Я понимаю, что утверждения о том, что удовольствие глубоко укоренено в наших интуициях, что это нечто сложное, эволюционировавшее, универсальное и во многом врожденное, — могут прозвучать необычно. Но я надеюсь убедить вас, что так и есть. Я также собираюсь доказать, что удовольствие важно. В современной науке о сознании немало пробелов. Психолог Пол Розин отмечает, что если вы полистаете учебник по психологии, то мало что (а то и вовсе ничего) найдете там о спорте, изобразительном искусстве, музыке, театре, литературе, игре и религии. А ведь это важнейшие вещи, делающие нас людьми, и мы не поймем их, пока не поймем природу удовольствия.

Каждому найдется что сказать об удовольствии, и многие идеи этой книги родились в ходе моих бесед с родственниками, друзьями, студентами, коллегами, а также незнакомцами в самолете. Я хотел бы особо отметить влияние ученых, которые серьезно разрабатывали эту тему: Денниса Л. Даттона, Сьюзан Гелман, Тамар Гендлер, Брюса Худа, Джеффри Ф. Миллера, Стивена Пинкера и особенно Пола Розина. У меня есть разногласия со всеми ими, но большая часть этой книги — ответ на их идеи, и я рад, что у меня есть возможность указать, насколько я в долгу перед ними.

Я очень благодарен моему агенту Катинке Мэтсон. С самого начала она помогла мне понять, что я хочу ска-

зять в этой книге, а затем немало поддерживала меня, когда я нуждался в совете или испытывал приступ паники. Я также благодарен своему редактору из издательства “Нортон” Анджеле фон дер Липпе за ее веру в этот проект, мудрые советы и превосходные комментарии к первому варианту рукописи. Я также благодарен Кэрол Роуз за ее точное и искусное редактирование.

Нет лучшего сообщества ученых, чем факультет психологии Йельского университета, и я благодарю коллег, а особенно своих аспирантов и младших научных сотрудников за поддержку и терпение. Марша Джонсон, которая была деканом факультета в это время, заслуживает массу благодарностей за то, что возвращает благотворную интеллектуальную среду.

В этой книге описаны эксперименты, которые я проводил совместно с другими учеными, в том числе с Мелиссой Аллен, Мишель Кастанеда, Гилом Дизендруком, Кэтрин Доннелли, Луизой Иган, Сьюзан Гелман, Джошуа Гудстейном, Кайли Хэмлин, Брюсом Худом, Иззатом Джаруди, Уте Леонардс, Лори Марксон, Джорджем Ньюманом, Лори Сантос, Дэвидом Собелом, Диной Сколник Вайсберг и Карен Уинн. Спасибо им всем.

Я благодарен всем, кто любезно давал мне советы, отвечал на вопросы или читал части книги. Среди них: У Ген Ан, Мазарин Банаджи, Бенни Бейт-Халлами, Волтер Билдербэк, Келли Браунелл, Эмма Бюхтел, Сьюзан Кэри, Эмма Коэн, Лиза де Брюн, Рэйчел Денисон, Деннис Даттон, Рэй Фэр, Дебора Фрид, Сьюзан Гелман, Дэниел Гилберт, Джонатан Гилмор, Питер Грэй, Мелани Грин, Лили Гильот, Колин Джагер, Фрэнк Кейл, Марсель Кинсбурн, Кэтрин Кинцлер, Дэниел Левин, Дэниел Левитин, Райан Маккей, Джеффри Ф. Миллер, Кристина Олсон, Картик Панчанатан, Дэвид Писарро, Мюррей Райзер, Лори Сантос, Салли

Сэйтел, Майкл Шульц, Марк Шескин, Марджори Тейлор, Эллен Уиннер, Чарльз Высоцки и Лайза Заншайн. Я благодарю участников моего семинара по когнитивистике удовольствия за семестр, прошедший в дискуссиях и дебатах. И я особенно благодарен тем смельчакам, что предоставили обширные комментарии по первому варианту рукописи: это Брюс Худ, Грегори Мерфи, Пол Розин, Эрика Стерн, Анджела фон дер Липпе и Дина Сколник-Вайсберг. Я уверен, что еще пожалею, что не воспользовался всеми их советами.

Моя семья — в Коннектикуте, Массачусетсе, Онтарио и Саскачеване — постоянно поддерживала меня. Мои сыновья, Макс и Закари, уже слишком большие, чтобы давать мне интересные данные по возрастной психологии. Однако плюс в том, что они стали умными, вдумчивыми и забавными собеседниками, и я многое вынес из наших разговоров. И больше всего я в долгу, как водится, перед моей коллегой, компаньоном и женой Карен Уинн. Я благодарен ей за идеи, советы, поддержку и, главное — за удовольствие.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

Глава 1

Сущность удовольствия

Герман Геринг — предполагаемый преемник Гитлера — ожидал казни за преступления против человечества, когда ему передали ошеломляющее известие. В тот момент, по словам очевидца, Геринг выглядел так, “будто впервые понял, что в мире есть зло”.

“Зло” сотворил голландский художник и коллекционер произведений искусства Хан ван Меегерен. Во время Второй мировой войны Геринг передал Меегерену сто тридцать семь полотен общей стоимостью (по нынешнему курсу) десять миллионов долларов в обмен на “Христа и судей” (“Христа и грешницу”) Яна Вермеера. Геринг, как и его шеф, был одержим коллекционированием и уже ограбил большую часть Европы. Но это свое приобретение он, страстный поклонник Вермеера, ставил превыше всего.

После войны союзники обнаружили “Христа и судей” и выяснили, у кого Геринг ее получил. Ван Меегерен был арестован и обвинен в продаже шедевра нацистам. Это была измена, караемая смертью.

Проведя шесть недель в тюрьме, ван Меегерен сознался — но в другом преступлении. По его словам, он

продал Герингу подделку. Это был *не* Вермеер: ван Меегерен написал картину сам. Он рассказал, что был автором и других работ, приписываемых Вермееру, — в том числе “Христа в Эммаусе”, одной из самых известных голландских картин.

Сначала ему никто не верил. Ван Меегерена попросили воспроизвести еще одного Вермеера. И за шесть недель художник, окруженный репортерами, фотографами и съемочными группами телевидения, накачанный алкоголем и морфием (только так он мог работать), — сделал это. Один голландский таблоид сформулировал его задачу следующим образом: “ПИШЕТ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ”. В результате получилось похожая на Вермеера вещь, которую ван Меегерен назвал “Молодой Христос проповедует в храме”. Картина явно превосходила доставшуюся Герингу. Ван Меегерена признали виновным в мошенничестве и приговорили к году тюрьмы. Он умер до начала отбывания наказания и стал считаться чем-то вроде народного героя — человеком, который обвел нацистов вокруг пальца.

Мы еще вернемся к ван Меегерену, а сейчас подумайте о бедном Геринге: как он должен был себя почувствовать, узнав, что вожделенная картина — подделка? Геринг был необычным во многих отношениях человеком: почти до смешного заикленным на себе и до ужаса равнодушным к страданию других. Один из тех, кто с ним беседовал, охарактеризовал его как добродушного психопата. Но в его шоке не было ничего странного. Вы почувствовали бы себя так же. Прежде всего вы испытали бы унижение — потому что вас одурачили. Но даже если бы это было не жульничество, а ошибка, подобное открытие лишило бы вас изрядной доли удовольствия. Когда вы покупаете картину, которую, как считается, написал Вермеер,

радость от покупки отчасти основана на представлении о том, кто ее написал. Если это представление окажется ложным, удовольствие испарится. (И наоборот — такое случалось, — если вы обнаружите, что картина, которую вы считали копией или имитацией, в действительности оригинал, вы получите больше удовольствия, а стоимость картины вырастет.)

Сказанное относится не только к произведениям искусства. Удовольствие, которое мы получаем от разного рода повседневных мелочей, связано с нашими представлениями об их истории. Подумайте о следующих вещах:

- рулетка, принадлежавшая Жаклин Кеннеди (продана на аукционе за 48875 долларов),
- туфли, брошенные в 2008 году в Джорджа Буша-младшего иракским журналистом (саудовский миллионер заплатил за них, как сообщается, десять миллионов долларов),
- мяч, брошенный бейсболистом Марком Макгуайром в ходе семидесятого хоум-рана* (куплен за три миллиона долларов канадским предпринимателем Тоддом Макфарлейном, которому принадлежит одна из лучших коллекций знаменитых бейсбольных мячей),
- автограф Нила Армстронга,
- лоскутки свадебного платья принцессы Дианы,
- первая обувь вашего ребенка,
- ваше обручальное кольцо,
- плюшевый мишка.

Ценность этих предметов заметно превышает их полезность. Не каждый из нас — коллекционер. Но каждый, кого я знаю, владеет хотя бы одним предметом, который

* Удар, при котором мяч пролетает через все поле, не касаясь земли, и уходит за его границу.

воспринимается как особый благодаря его истории. Это может быть связь с людьми, которыми человек восхищается или которые важны для него, либо же связь со значимыми событиями. История предмета неочевидна, и в большинстве случаев невозможно проверить, чем именно он отличается от другого, выглядящего так же. Но все же оригиналы приносят нам удовольствие, тогда как дубликаты оставляют равнодушными. О таких загадках и пойдет речь в этой книге.

Животные удовольствия, человеческие удовольствия

Некоторые удовольствия проще объяснить, чем другие. Возьмем вопрос о том, почему нам нравится пить воду. Почему удовлетворение жажды приносит столько радости, и почему лишить кого-то воды на длительное время — это пытка? Ну, тут все просто. Животным нужна вода, чтобы жить, и поэтому они мотивированы искать ее. Удовольствие — вознаграждение за успех, боль — наказание за неудачу.

Это простой и правильный ответ, но он влечет за собой следующий вопрос: почему все так замечательно отлажено? Это ужасно удобно, что — если переиначить фразу из песни “Роллинг стоунз” — мы не всегда можем получить то, что хотим, но при этом мы хотим то, что нам нужно. Конечно, никто не думает, что так вышло по счастливой случайности. Верующий сказал бы, что связь между удовольствием и выживанием установлена благодаря божественному вмешательству: Бог пожелал, чтобы его творения жили достаточно долго, дабы плодиться и размножаться, и поэтому внушил им желание пить воду. Для дарвиниста это

“совпадение” — результат естественного отбора. В далеком прошлом те создания, которые были мотивированы искать воду, воспроизводились лучше, чем те, кто такой мотивации был лишен.

Если взглянуть шире, то эволюционная теория (которая, на мой взгляд, имеет заметные преимущества над теологическими объяснениями того, как устроена психика) видит функцию удовольствия в мотивации определенного поведения, полезного для генов. Специалист по сравнительной психологии Джордж Д. Романес заметил в 1884 году, что “удовольствие и боль, должно быть, развились как субъективное сопровождение процессов, соответственно полезных или вредных для организма, и таким образом они эволюционировали, исходя из той цели или ради того, чтобы организм мог искать одно и уклоняться от другого”.

С этой точки зрения большинство удовольствий, доступных биологическим видам за исключением человека, совершенно понятны. Когда вы дрессируете своего питомца, вы не станете вознаграждать его чтением поэзии или походом в оперу, а преподнесете ему вполне дарвинистский приз — например, дадите что-то вкусное. Животные (не люди) наслаждаются едой, водой и сексом. Когда они устают, им хочется отдохнуть. Их успокаивает ласка, и так далее. Они именно таковы, какими им предписывает быть эволюционная биология.

А что насчет нас? Люди — тоже животные, и потому мы разделяем с другими видами многие удовольствия. Психолог Стивен Пинкер отмечает, что люди счастливее всего, когда они “здоровы, сыты, чувствуют себя комфортно, в безопасности, состоятельны, процветают, в курсе всего, что нужно, уважаемы, не воздерживаются от половой жизни, любимы”. Здесь перечислено немало удовольствий,

и я ни минуты не сомневаюсь, что сказанное можно объяснить тем же процессом, в ходе которого сформировались желания шимпанзе, крыс или собак. С адаптационной точки зрения выгодно стремиться к здоровью, пище, комфорту и так далее и получать удовольствие, достигая этих целей. По словам антрополога Роберта Ардри, “мы происходим от восставших обезьян, а не от падших ангелов”.

Но этот список неполон. В него не попали изобразительное искусство, музыка, литература, предметы, имеющие сентиментальную ценность, и религия. И, может быть, это не сугубо человеческие удовольствия. Я как-то слышал от исследователя приматов, что некоторые из них в неволе хранят при себе знакомые предметы, которые их успокаивают. Сообщалось, что слоны и шимпанзе могут создавать произведения искусства (к этому, как я объясню позже, я отношусь со скепсисом). В любом случае это нельзя назвать обычной деятельностью животных, и, напротив, для нашего вида это совершенно типично и проявляется у каждого нормального индивида. Здесь требуется объяснение.

Одно из объяснений состоит в том, что наши сугубо человеческие удовольствия возникают не в процессе естественного отбора и вообще не в ходе биологической эволюции. Они продукт культуры и встречаются только у людей потому, что только у людей есть культура (по крайней мере, такая культура, которая имеет значение).

Несмотря на дурную репутацию таких теорий среди исследователей, склоняющихся к теории адаптации, сторонники подобных объяснений вовсе не обязательно невежественны и не обязательно списывают со счетов эволюционную биологию. Они не сомневаются, что люди и их мозг эволюционировали. Но они не согласны с тем,

что наша эволюция включала и развитие врожденных идей и специализированных систем мозга. Люди уникальны скорее в том, что обладают повышенной гибкостью, способностью создавать и познавать биологически произвольные идеи, способы поведения и вкусы. У других животных есть инстинкты, а у людей — ум.

Эта теория в некотором отношении справедлива. Никто не станет отрицать интеллектуальную гибкость нашего вида, и никто не скажет, что культура в состоянии формировать и структурировать человеческое удовольствие. Если вы выиграете миллион долларов в лотерею, вы будете визжать от счастья, но сама концепция денег возникла в ходе человеческой истории, а не благодаря репликации и отбору генов. И даже те удовольствия, что мы разделяем с животными (пища, секс и другие), проявляются по-разному в разных обществах. У разных народов своя кухня, свои сексуальные ритуалы, даже свои формы порнографии, и это явно не потому, что эти народы различаются генетически.

Все это может подтолкнуть исследователя, склонного рассматривать феномены с культурной точки зрения, к выводу: хотя естественный отбор играет некоторую ограниченную роль в формировании того, что нам нравится (такие вещи, как голод и жажда, половое влечение, любопытство, некоторые социальные инстинкты, действительно эволюционировали), подобный подход не позволяет оценить специфику этих чувств и побуждений. Как выразился критик Луи Менан, “у всех аспектов жизни есть биологическое основание, в том смысле, что если бы биологически что-то было невозможно, то его бы не существовало. А дальше все пущено на самотек”.

В следующих главах я постараюсь показать, что удовольствие устроено не так. Большинство удовольствий

происходят из раннего детства, а не развиваются в ходе социализации. И они свойственны всем людям. Очевидное разнообразие можно рассматривать как вариации одной универсальной темы: так, рисование — культурное изобретение, а любовь к искусству — нет. В разных обществах рассказывают свои истории — на одинаковые сюжеты. Кулинарные вкусы и половые предпочтения различаются, но не то чтобы сильно.

Разумеется, мы можем представить себе культуры, где удовольствие выглядит совсем иначе: где люди для улучшения вкуса вымазывают еду экскрементами и им нет дела до соли, сахара или острого перца; где тратят состояния на подделки, а оригиналы выбрасывают на свалку; где выстраиваются в очередь, чтобы послушать электростатический треск, и морщатся при звуках мелодии. Но это фантастика, а не реальность.

Подытожить вышесказанное можно так: люди вступают в жизнь с ограниченным набором удовольствий, и к нему уже ничего не добавить. Казалось бы, звучит слишком категорично — ведь в мир можно привнести и новые удовольствия. Так происходило с изобретением телевидения, шоколада, видеоигр, кокаина, фаллоимитаторов, саун, кроссвордов, реалити-ТВ, романов и так далее. Но я бы сказал, что мы получаем от всего этого удовольствие, потому что эти изобретения не так уж и новы. Они вписываются — довольно явным образом — в набор удовольствий, которым мы уже обладаем. Бельгийский шоколад и жареные ребрышки — современные изобретения, но они апеллируют к давнему человеческому пристрастию к сладкому и к жирному. Все время возникают новые формы музыки, но существо, биологически не приспособленное воспринимать ритм, никогда не сможет полюбить ее: для него это будет всего лишь шум.